

М.Ф. ЧЕРНЫШ

ЧИТАЯ СТАТЬЮ Л.Д. ГУДКОВА. ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ

Российские социологи активно обсуждают проблему эпистемологических оснований социальной науки. В комментарии подчеркивается, что социология рождалась на Западе, в начальной фазе своего развития российская социология прибегала к активным заимствованиям из багажа западной социологии. Развитие российской социологии на национальной почве было прервано советским периодом. Находясь в ситуации прессинга, советские социологи сумели, тем не менее, создать фундамент для ее дальнейшего развития. В постсоветский период российская социология сталкивается с острыми проблемами, вызванными ее включенностью в идеологические споры. Немалые проблемы создает стремление ряда российских социологов навязать социологическому сообществу постмодернистский дискурс.

Ключевые слова: российская социология, советская социология, методология, идеология, постмодернизм.

*Ужели нам дано познать лишь для пустой игры ума?
Хуана Инес де ла Крус*

Надо только приветствовать желание уважаемого коллеги разобраться в том, что все-таки происходит в современной российской социологии. Его, как и многих других, озадачило странное, малообъяснимое нынешними обстоятельствами российской жизни стремление некоторых российских социологов поставить ребром вопрос о наличии в российской общественной науке социологической теории. Замечательно то, что вопросы эти, как правило, ставятся людьми, которые по роду специализации российскую теорию и должны развивать, пестовать и популяризировать в среде специалистов. В самой постановке вопроса в подобном ключе с очевидностью проступает психоаналитический драйв, саморазоблачение и саморазоружение перед социологической партией с тем, чтобы обрести право на крайние вопросы, на революционную программу, призванную смести старый порядок. Важный вопрос, однако, заключается в том, каков сам это социологический порядок и может ли он в принципе быть другим?

Российская социология развивалась точно так же, как и другие

Черныш Михаил Федорович — доктор социологических наук, зав. сектором социальной мобильности Института социологии РАН. Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5. Телефон: (499) 125-00-60. Электронная почта: che@isras.ru

науки, активно заимствуя из багажа западных общественных наук. Иного и быть не могло, не только по происхождению, но по духу социология наука западная, эпистемологически связанная с западной философией, доктринально родственная программе социальной трансформации, основные пункты которой сформулированы в эпоху Просвещения. И. Уоллерштейн характеризовал социологию как инструмент саморефлексии западного общества, этой своей ориентацией, а не методом она, по его мнению, отличается от других общественных дисциплин, например, антропологии [1]. Можно предположить, что судьба социологии в России могла быть такой же, как и судьбы других наук, прочно укоренившихся на российской почве. Отчасти это доказывается появлением в России такой влиятельной фигуры, как П. Сорокин, заложившей основы сразу нескольких социологических субдисциплин. Однако развитие науки в силу известных обстоятельств было остановлено на много десятилетий вперед. Необходимо понимать, что остановка произошла именно тогда, когда в Европе и США формулировались фундаментальные подходы к исследованию общества, создавалась методологическая и методическая база современных общественных наук. Сказать, что советские социологи жили в условиях несвободы, — это ничего не сказать, или сказать очень мало о том, каково было действительное положение вещей. Надо отдать должное первому поколению советских социологов: по крупицам они вылавливали сведения о том, что происходило в западной науке, не механически, а творчески осваивали ее наследие в неблагоприятных для этого условиях. Очевидно, однако, что социология, оказавшаяся в прокрустовом ложе идеологической цензуры, не могла развиваться как нормальная дисциплина, как знание, продуцируемое, с одной стороны, герменевтической рефлексией, а с другой — экспериментом, эмпирическими исследованиями. Об этом необходимо помнить, хотя бы для того, чтобы адекватно представлять себе дистанцию, которую прошла российская общественная наука за 20 лет постсоветского существования, каков ее «габитус» и наследство.

Как это ни прискорбно констатировать, идеология, отнесение к ценностям политического порядка остается важным фактором, влияющим на конфигурацию социологического поля. Уважаемый коллега утверждает, что подобное самоопределение социологов существует в двух вариантах — «либо в форме интереса к большим проблемам общества», либо в форме обслуживания властей, выстраивания с ними отношений по принципу «чего изволите». Думается, что в подобном дихотомическом представлении противоречий в социологическом поле есть некоторое лукавство. «Формы интереса к большим проблемам» и обслуживание управленческих интересов не всегда находят в непримиримом противоречии. Можно предположить, что в определенных обстоятельствах интерес властей к проблемам общества

может быть вполне искренним, а социологические исследования, выполняемые по их заказу, — вполне надежными. В том, что существует социология, занимающаяся обслуживанием управленческих решений, а также социология критической ориентации, нет ничего необычного и ничего криминального. Э. Шилс, с присущей ему прозорливостью, утверждал, что социология в современном обществе обречена на то, чтобы выполнять одновременно три функции — обслуживающую, критическую и коммуникационную, то есть направленную на достижение социальной гармонии и взаимопонимания [2]. Проблема не столько в наличии у социологов позиции, а в том, где установлена граница ее влияния и готов ли исследователь смириться с тем, что его идеологические пресуппозиции относительно изучаемого объекта могут быть фальсифицированы результатами проводимого им исследования. Речь идет даже не об интерпретационных вольностях, в конце концов, интерпретации можно обсуждать, с ними можно спорить. Раздражение, о котором говорит коллега, возникает в том случае, если во имя получения нужного результата исследователь идет на сознательное «передергивание», нарушая базовые принципы социологического метода. Где-то вставить «груженую» побочными смыслами формулировку, где-то поставить вопрос, ответ на который находится за пределами компетенции респондента, где-то «подкрутить» выборку, а на выходе получить то, что нужно, результат, который полностью гармонизирован с изначальной идеологической установкой. Но вот можно ли назвать это исследованием? Пренебрежительное отношение к методу, манипулирование им во имя «высших гражданских» или «патриотических» ценностей приводит к тому, что разрушаются фундаментальные основания согласия между разными социологическими направлениями, а само поле социологии раскалывается на непримиримые фракции по числу идеологий. Спору нет, результат, конгруэнтный по отношению к изначальной идеологической установке, удобнее представлять на государственных ТВ каналах или в эфире дружественных радиостанций, но цена, которую приходится платить за «свободу от метода», слишком высока — потеря лица в профессиональном и экспертном сообществе, утрата доверия «думающей» прослойки населения.

Нельзя не согласиться с Л.Д. Гудковым: помимо всех прочих бед российскую социологию одолевает еще одна — мелкотемье, стремление растворить крупные проблемы в мелких сюжетах, локализованных в практиках или фреймах, отменить общество, а вместе с ним и теорию. Неожиданное, не вполне объяснимое желание отказываться от ключевых, предметных концептов современной общественной науки становится вполне понятным, если вернуться к «габитусу» российской социологии, периоду, когда она, сбросив идеологические вериги, пыталась влить в «мехи ветхие» вино новейших западных учений. В этот период умами многих социологов на Западе завладели

идеи постмодерна: интеллектуальными героями новой эпохи стали М. Фуко, Ж. Бодрийяр, Ж. Деррида, С. Лэш и не сильно отличающийся от них в основных посылах А. Гидденс. В среде социологов-постмодернистов культивировался эйфорический взгляд на события предшествующего десятилетия. Разрушение Берлинской стены, кризис марксизма они приветствовали как реконструирование самих основ социального, как крах интерпретационного тотализма, утверждения примата синтаксиса над лексемой бытийных форм. Культура освобождалась от бремени базисных влияний, обретая по дороге качество «полуавтономии» (по выражению Маркузе). Подобная трансформация означала, помимо всего прочего, окультуривание социальной науки: все объявлялось областью, определяемой культурными формами и, прежде всего, языком, — любые социальные действия, социальные структуры, процессы их воспроизводства.

Социальные тотальности, писал один из социологов-постмодернистов Э. Лакло в статье с говорящим названием «Невозможность общества» [3], прекратили свое существование в силу того, что опирались на хрупкие основания тотальных идеологий. Социальная тотальность, которая была явлена марксистской схемой, рассматривалась как способ обоснования познаваемости общества. Между тем, утверждалось в статье Лакло, подобная схема неминуемо приводила к торжеству «эссенциализма», феноменология общества оказывалась партикулярной и одновременно отдельно существующей по отношению к подлинному основанию действия. Наблюдения общества сводились к ложному распознаванию («misrecognition»), которое предлагалось трактовать как «ложное сознание». Этой идее, продолжает Лакло, противостоит постмодернистская идея бесконечности. Общество, ограниченное структурами, производит смысловые излишки, которое оно познать не может в силу того факта, что само оно ограничено. В результате общество как единичный познаваемый объект, раскрывающий себя в партикулярных процессах, становится непознаваемой реальностью. Реляционный характер идентичности оказывается на поверку игрой различений, которую уместно охарактеризовать как дискурс при том условии, что дискурс не сводится только к речи и письму. Для Лакло любая попытка говорить об обществе воплощает в себе стремление создать границы для бесконечности, ограничить игру различений, заключить дискурс в объятия «конечности». Это, заключает Лакло, попытка установить господство над социальным, которое в новую эпоху сопротивляется, предельно дробя, умножая предельно сферу социологических исследований.

Прошло, однако, совсем немного времени, как обнаружилось, что слухи о смерти общества, по меньшей мере, преждевременны. Как только стихли «ветры перемен», на поверхность вышел тот очевидный факт, что изменения были не столь глубокими, как казалось в конце 1980-х – начале 1990-х. История возобновилась, а социальная реальность объявила о своем существовании новыми конфликтами.

«За пределами академических учреждений, — писала в 2003 году М. Арчер в работе под названием «Бытие человеческое», — простые люди действовали так, словно никакого “уничтожения реальности” не было. Они сталкивались не только с обществом, но и природой, практиками взаимодействия с нею. Они никак не смогли смириться с “лингвистическим заблуждением”, в социальной среде они постоянно переживают свое “я”, они не могут растворить его в каких-либо иных явлениях жизни. У них есть заботы, привязанности, которые они считают частью самого себя. Они занимают социальные позиции, которые большинство из них хотело бы улучшить. Они не готовы принять тот факт, что социальные улучшения зависят только от изменения дискурсов. Я не думаю, что появление постмодернистских существ — это реальная перспектива» [4]. Серьезной критике подверглась и почти сакральная для сторонников «рефлексирующей» социологии фигура — Антони Гидденс. В 1998 году в свет выходит книга С. Местровича «А. Гидденс: последний модернист», вызвавшая в европейском социологическом сообществе острую полемику. Местрович видит в Гидденсе искателя не всегда оправданных теоретических компромиссов с дискурсом постмодерна. Акцент на действующего актора в теории Гидденса оставлял, по мнению Местровича, действительно значимые аспекты социального. Субъект не может быть сведен только к рациональному действию, его когнитивные практики очень часто лежат в плоскости веры, эмоций, переживаний. Названный комплекс мироощущений упорядочивается только в том случае, если допустить существование социальных институтов и, в конечном итоге, общества. В противном случае, полагает Местрович, социологии придется иметь дело с «пластмассовыми» социальными конструктами, подозрительно похожими на «нео-орвеллианскую программу социальной инженерии» [5].

Парадоксально, но постмодерн, переживающий в Европе не лучшие времена, обрел второе дыхание в России. Объяснить, почему дискурс постмодерна в какой-то момент захватил умы социологов на Западе можно, для этого были онтологические и эпистемологические предпосылки. Понять, каким образом он дал всходы на российской почве, сложнее. Американский социолог левой ориентации Ф. Джеймсон увидел в этой «присадке» очевидную попытку сверхдержавы, победившей в холодной войне, навязать ее формы культурного господства [6]. Вторую версию в одинаковой мере разделяют Л.Д. Гудков и Ф. Джеймсон: постмодерн является одной из форм бытования интеллектуальной моды, пришедшей с Запада. Возможна также и третья версия. В условиях, когда страна переживает нелегкие времена, есть немалый управленческий смысл в том, чтобы получить фрактальную социологию без общества, сосредоточиться на «безглубинных» дискурсах в ущерб острым вопросам о причинах кризиса, справедливости, неравенстве, институциональных основаниях российской жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Wallerstein I.* Unthinking social sciences. The limits of 19th century paradigms. Philadelphia: Temple University Press, 2001.
2. *Shils E.* The calling of sociology and other essays on the pursuit of knowledge. Chicago: Chicago University Press, 2001.
3. *Laclau E.* The impossibility of society // Canadian Journal of Political and Social Theory. 1991. Vol. 15. No. 1–3. P. 24–27.
4. *Archer M.* Being human. Cambridge University Press, 2003. P. 3.
5. *Mestrovic S.* Antony Giddens: The last modernist. New York: Routledge, 1998.
6. *Jameson F.* Postmodernism, or, the cultural logic of late capitalism. New York: Verso, 1991.